

ВОЛОГДА ЛИТЕРАТУРНАЯ: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ФАКТАХ

УДК 82(470.12)

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О БОРИСЕ НЕПЕИНЕ

В статье, посвященной Б.С. Непеину, вся жизнь которого связана с Вологдой, рассматривается биография, представлены некоторые из стихотворений, говорится о деятельности литературной группы «Борьба», одним из руководителей которой он был. Непеин и Шаламов – еще одна линия статьи. Непеин исполнил долг перед другом детства – передал новому поколению знание о Шаламове и его судьбе, тем самым помог возрождению дома как музея, появлению топонима «Шаламовский дом», ставшего народным.

Борис Непеин, стихотворения Непеина, Вологда, Шаламов, группа «Борьба».

Моя искренняя признательность В.В. Есипову за помощь при подготовке статьи.

Сейчас уже трудно представить, что были времена, когда о Варламе Тихоновиче Шаламове (5 (18) июня 1907 – 17 января 1982) в Вологде не помнили или не знали. Традиция считать дом 15 на ул. С. Орлова Шаламовским видится глубоко укорененной, хотя мемориальный музей был создан лишь в 1991 г. Двухэтажное каменное здание, выстроенное в 1844 г. в непосредственной близости к Софийскому собору, принадлежало изначально Вологодской епархии и использовалось как жилое помещение для церковнослужителей. Здесь родился и до 1924 г. жил Варлам Шаламов.

В 1988 г. дом был передан Вологодской областной картинной галерее. В 1990 г. на нем установили мемориальную доску, посвященную В.Т. Шаламову. Первая музейная экспозиция открылась 1 июля 1991 г., и в этом плане трудно переоценить сделанное Мариной Николаевной Вороно (1954–2005), искусствоведом, зав. отделом Вологодской областной картинной галереи. Валерий Васильевич Есипов стал научным консультантом и «поставщиком материалов», как он обозначил в нашей переписке. Экспозицию делал художник-дизайнер Олег Васильевич Пахомов. Из переписки с В.В. Есиповым: «Она (первая экспозиция. – Л. Е.) занимала всего одну комнату под сводами (дальнюю, где теперь решетки, – а была комната в светлых тонах, с изображением фресок Софийского собора) <...> У нас было полное единодушие, мы там дневали и ночевали, особенно перед завершением работ в июне 1991 г.»

Для специального выпуска газеты «Свеча» (№ 1, 1994) М. Вороно вспомнила начало этой истории.

«Двухэтажный каменный дом за Софийским Собором, выходящий торцом на Соборную Горку, долгое время был совсем незаметным. Он терялся в тени больших деревьев, кустарников и крапивы...» [1]. Туда любил приходить старожил города Борис Сергеевич Непеин (19 октября 1904 – 18 ноября 1982), поэт, библиофил, краевед. В последние годы жизни он, невысокий, седой, ходивший с палкой, имел обыкновение присаживаться на скамейку напротив дома. Здесь и произошла встреча с художником Яном Крыжевским.

Ян Юлианович Крыжевский (родился в 1948 г. в Уфе) в 1978–1981 был председателем молодежной секции Вологодского отделения союза художников РСФСР. По его инициативе в Вологде открыли клуб молодых художников России. Длинноволосый расквашанный Ян отличался дружелюбием, общительностью, интересом к политике и истории. М. Вороно поделилась его воспоминаниями: «...во всем облике Непеина было что-то невероятно доверчивое, притягательное: хотелось остановиться, подойти, заговорить. Разговор неизбежно зашел о Шаламове... В те времена еще мало кто его знал, скрыт был целый пласт истории, связанный с лагерями» (Там же). Непеин исполнил долг перед другом детства – рассказал новому поколению о нем и его судьбе, тем самым помог возрождению дома как музея, появлению названия «Шаламовский дом».

При всей, с одной стороны, сопоставимости, с другой – несопоставимости судеб и масштабов творчества Шаламова и Непеина, интересен поэтический путь Непеина – и по-своему, и с точки зрения вологодской поэзии и предьстории вологодской писательской организации. Мне бы хотелось привлечь внимание к некоторым из его стихотворений, благо Воло-

годская областная универсальная научная библиотека располагает и прижизненными книгами Бориса Непеина (1927 [8], 1929 [9], 1930 [10]), и подготовленными посмертно его родственником¹ Игорем Петровичем Непеиным (2011 [12], 2012 [13] и 1997 – с его участием [11]).

Отец Тихон Шаламов и отец Сергей Непеин были близки. Отец Сергей крестил Варлама в Цареконстантиновской церкви. Борис Непеин в 1972 г. писал Евгении Николаевне Студенецкой (И.П. Непеин: «Семьи у Бориса Сергеевича не было. Была любовь – Евгения Студенецкая» [13, с. 8]): «В. Шаламова я знал, когда он еще просто был Варлушкой, как мы, сверстники, его звали. Он родился и жил в детстве в Вологде, в наших краях, у Соборной горки» [16]. О помощи Бориса в обмене марок на махорку соседям («квартирантам») Шаламов рассказывает в «Четвертой Вологде»: «Либерийская серия была африканским уникамом и входила во все каталоги марок. Но куда ее продать? Кому? Я знал только Непеина, марочника из любителей, но Непеин был из другой школы, да и постарше меня. Я сбежал к Непеину...» [22, с. 142].

Борис Непеин

Борис учился в единой трудовой школе второй ступени № 1. После окончания школы в 1924 г. проработал год администратором клуба «Красная звезда» и был призван в армию. Служил в 10-й стрелковой территориальной дивизии, расквартированной в Вологде. Варлам окончил единую трудовую школу второй ступени № 6 в 1923 г. и уехал в Москву. Отработав полтора года на кожевенном заводе, поступил на факультет советского права Московского государственного университета. Через два года «за сокрытие социального происхождения» (не написал в анкете, что его отец – священник) был отчислен по доносу однокашника – вологжанина М. Коробова. Непеину непролетарское происхождение вспомнят позднее.

¹ Разногласия, является он троюродным братом или четверюродным племянником Бориса Непеина, в данном случае мне не представляются существенными.

Писали оба. Читал ли Шаламов поэтические произведения Непеина (в том числе в центральных изданиях) и первую книгу? (Следующие две он мог увидеть только много позже: 19 февраля 1929 г. арестован). Могли ли они заинтересовать его? Едва ли. В.В. Есипов отмечал, что по приезде в Москву, став постоянным читателем Румянцевской (Ленинской) библиотеки, Шаламов с упоением читал ранние сборники футуристов с В. Хлебниковым, В. Маяковским, Н. Асеевым, В. Каменским, Б. Пастернаком, «учил опоязовские статьи наизусть» [21, т. 1, с. 15].

Библиофил и библиограф Непеин не мог не следить за публикациями Шаламова – но гораздо позже. Судя по письму Студенецкой 1972 г., о Шаламове и его стихах (их начали печатать с 1957 г.) Непеин не знал, а вот поэтические сборники в конце концов заметил: «Я долго о нем ничего не знал, пока не увидел его книги стихов, чем был очень удивлен. У меня есть три его сборника, среди них и последний – “Московские облака”. Это хороший, настоящий поэт. Кое-что у него есть общее с Леонидом Мартыновым» [16]. Логично предположить, что Непеин мог просмотреть «Огниво» Шаламова (1961), увидел «Шелест листьев» (1964) и обращал внимание на все последующие сборники: «Дорога и судьба» (1967), «Московские облака» (1972), «Точка кипения» (1977). Но откликов и рецензий Непеина на эти книги не обнаружено.

В фонде редких книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки есть «Шелест листьев» – из числа подаренных библиотеке Александром Александровичем Романовым (1930–1999). Там – инскрипт Непеина от 1 марта 1964 г.: «Саша! Рекомендую тебе эти стихи хорошего поэта, вологжанина, друга моей юности» (скан см.: [3, с. 38]). Возникает вопрос: не пытался ли Непеин таким образом привлечь внимание к Шаламову Романова не просто как поэта, но и как ответственного секретаря Вологодской писательской организации? Во вступительной статье к «Четвертой Вологде» [22, с. 11] и затем подробнее в интервью «Варлам Шаламов и вологодские писатели» [3; 4]. В.В. Есипов рассказал о попытках установить контакты с Шаламовым со стороны писательской организации через С. Викулова, В. Гуру, А. Романова.

«Шелест листьев» дошел тогда до Вологды в считанных экземплярах. 8 апреля 1964 г. Шаламов писал О.С. Неклюдовой: «Савашкевич приехал из Вологды (пишет) и говорит, что 10 экземпляров “Шелеста” продали за 1 час» [20, с. 300–301].

Самому Савашкевичу² Шаламов за пару дней до того уже надписал книгу (по-видимому, Савашкевич в Вологде не оказался в числе десяти счастливиц): «Дорогому Виктору с самой искренней сердечной любовью на память о Вологодской школе 1917–1923 годов и о Вологде вообще. 6 апреля 1964 г. Москва. В. Шаламов» [17, с. 49]. К книге приложено письмо, где Шаламов упоминает Непеина: «...Десять экземпляров “Шелеста листьев” для Вологды – это, конечно, ничтожный заказ. Книжка эта и здесь в московских

² Подробнее о Викторе Николаевиче Савашкевиче см. статью А.С. Таюшева «Однокашники: Шаламов и Савашкевич» в этом номере «Вестника ВоГУ».

магазинах разошлась за один день. Бориса Непеина поблагодари от моего имени и скажи ему вот что: я бы мог собрать для Вологодского издательства сборник стихов (еще не опубликованных) не хуже “Шелеста листьев” (в этом сборнике будет несколько стихотворений о Вологде, а большинство – о северной природе) листа в два-три (до 2000 строк). Не желает ли Вологодское издательство заключить такой договор (на любой тираж). Сбыт такой книжки обеспечен в Москве. Спроси Непеина» [17, с. 49].

За что Шаламов благодарил Непеина? За добрые слова о «Шелесте листьев»? За то, что тот поспособствовал заказу пусть этих десяти экземпляров для Вологды? Обратим внимание, что, с одной стороны, Шаламов не сам обращается к Непеину, с другой – доверяет ему (через друга – полковника Советской Армии) ведение книжных дел. По прошествии лет мы знаем, что надежды на вологодское книгоиздание не оправдались. Единственное, что было опубликовано, – подборка стихов Шаламова в альманахе «Поэзия Севера» (Архангельск, 1966) (см.: [3]).

Звучание Шаламова как поэта и прозаика было уникальным не только для Вологды – и не только в 1960-е. Как и многие другие, следующие строки были впервые опубликованы В.В. Есиповым в 2020 г. в двухтомнике стихотворений и поэм Шаламова:

*...Время отброшено в средневековье.
Снег, окропленный чистой кровью.*

*Рев палачей и мужские рыдания.
Где вы живете, лучи сострадания?*

*Около спленных лагерных вышек
Жизнь поднимается выше и выше.*

*Все здесь испытано, всем нам знакомо.
Все – от концлагеря до космодрома.*

1961
[21, т. 2. с. 113]

«Суровое жизнепритяие» Шаламова (выражение Фазиля Искандера [21, т. 2, с. 69]) контрастировало с «поэзией радости» Непеина (выражение Б. Иванова [13, с. 12]).

Известно, что Шаламов писал стихи с детства, но никому их в Вологде (включая и Непеина) не показывал. Он уехал из Вологды в 1924 г., до создания группы «Борьба» (1925). Стихи Непеина позволяют ощутить дух их юношеской эпохи. Непеин обладал очевидным даром живописания, так что и спустя почти сто лет видишь им запечатленное как наяву. Шуточное стихотворение «Автобус» было опубликовано в «Красном Севере» 1 февраля 1927 г. Думаю, многих тогда позабавило это удачное наречение нового вида транспорта «желтой “шкатулкой”» (в газетном варианте [7] были кавычки – см. скан). Воспроизведу вариант последней – 2012 г. – публикации И.П. Непеина (вариативность оформления характерна для всех его публикаций стихов Б. Непеина).

Автобус

(Шутка)

*На знакомых переулках
Незнакомые гудки.
Ездит желтая шкатулка
От вокзала до реки.*

*Шины мягкие – без шума
Режут уличную глубину...
Остановится подумать
На минуту на углу...*

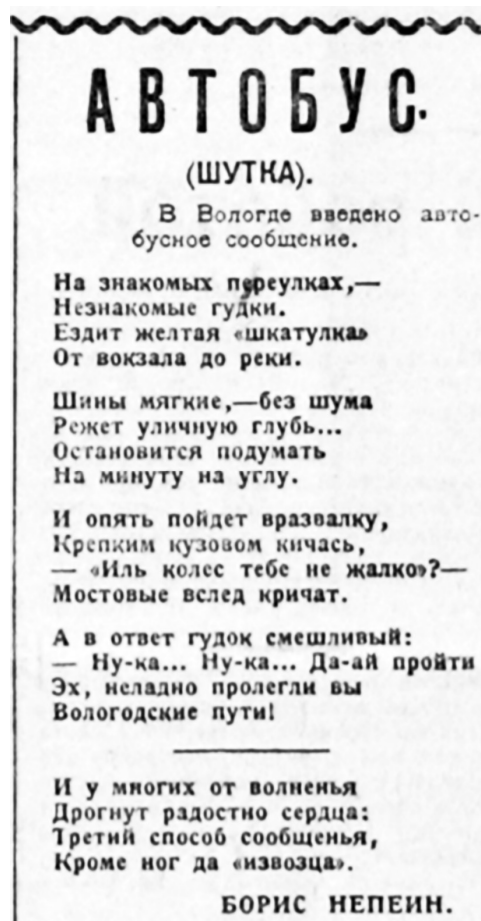
*И опять пойдет вразвалку,
Крепким кузовом кичась.
«Иль колес тебе не жалко?» –
Мостовые вслед кричат.*

*А в ответ гудок смешливый:
«Ну-ка, ну-ка... Да-ай пройди!..
Эх, неладно пролегли вы
Вологодские пути!»*

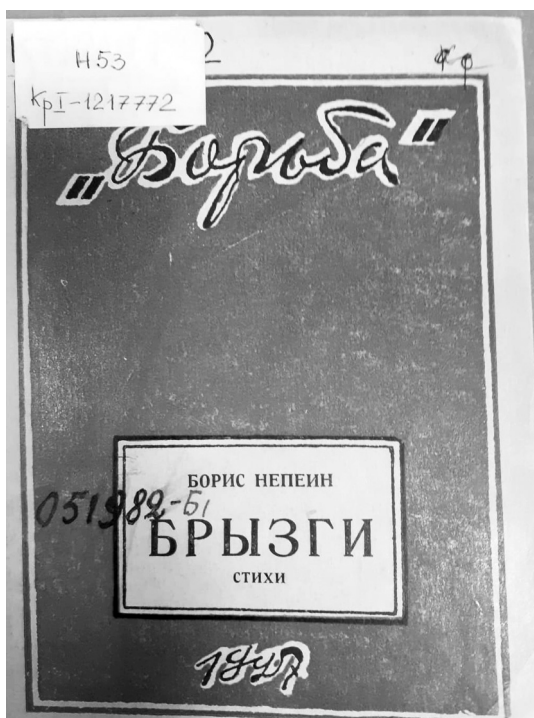
*И у многих от волненья
Дрогнут радостно сердца:
Третий способ сообщенья,
Кроме ног да «извозца».*

1.02.1927

В Вологде появилось автобусное сообщение
[13, с. 39]

Первые стихотворения Непейна были опубликованы в 1924 г. на страницах газет «Красный Север» и «Юный строитель». 1925–1930 годы – наиболее активный период творчества. Кроме местных газет его стихи и поэмы печатались в «Комсомольской правде», «Красной звезде», ленинградской «Красной газете», в журналах «Прожектор», «Красноармеец», «Красная панорама», «Рабочая неделя», «Резец», в альманахах и сборниках. Первые два поэтических сборника – «Брызги» [8] и «Под красной звездой» [9] – вышли в Вологде. Третий – «Северный ветер» [10] – в Архангельске.

Стихи подкупают, прежде всего, радостью молодости, естественным счастьем бытия. С Б. Ивановым, написавшим очерк «Вологодский поэт Борис Непейн» от имени группы «Борьба», трудно не согласиться: «Бодрость и молодость, весна и любовь к жизни, вот что руководит непейнским творчеством в основном» (здесь и далее знаки препинания оставляю авторскими) [13, с. 12].

Неизменно выразительны зарисовки.

На стройке

*Асфальт расплавленный кипит,
Котлы дымятся, пишут жаром,
И вместо выщербленных плит
Идешь по новым тротуарам!*

*На грудах щебня и песку
Работы гул не умолкает.
Наш город, сбросивший тоску,
Обновки радостно встречает.*

*То там, то здесь ласкают взгляд
Следы забот руки прилежной,
А краски свежие блестят
На солнце весело и нежно.*

*И на четвертом этаже
Маляр, размахивая кистью,
Спешит бордюры резной зажечь
Цветистой, искрящийся жизнью.*

*А труд упорный день за днём –
Звонит о камни бойкий молот.
И, забывая о былом,
Встает нарядный, чистый город.*

1925
[11, с. 9]

Всма­три­ваясь и вслу­ши­ваясь в новую советскую действительность, Борис Непеин какие-то моменты умело дорисовывал, подчас с элементами фольклорной стилистики.

Ночь

*Стихли улиц голоса,
Ветерок подул резвее.
Возле склада на часах
Молодой красноармеец.*

*Шлема острую иглу
Шаг размеренный колышет...
Налегла ночная глубь
Темным пологом на крыши.*

*Спит усталая земля,
По садам грустят сирени,
Часового чуткий взгляд
Ловит шорохи и тени.*

*Думка зайцем пробежит,
Незатейливо, игриво:
«В эту ночь бы у межи
Вместе с милой слушать нивы».*

[11, с. 14]

Стилизацию Непеин любил:

*Мать в терармию меня провожала,
И при этом мне она наказала:
«Ты служи, сыночек мой, верой, правдой.
В мире армии такой нету равной.
Скоро ты опять придешь, будешь дома.
И работу всю возьмешь в руки снова³.
Все, что делается, знать будешь, в свете...
Можешь после рассказать всем в деревне.
Там научишься держать ты винтовку,
Капиталу чтоб задать потасовку,
Ну, так будь же всем под стать, милый Ваня,
Через три недели ждать тебя станем.
А вернешься как назад, ты поведай,
Скоро ль надобно справлять нам победу?»*

1924

[11, с. 6]

Б. Иванов отмечал: «Есть такая брошюрка, изданная для Красной Армии. Почти на две трети состоит она из непейнских стихов и частушек. – Это его первые шаги. Частушки и стихи аляповаты и не художественны. Но от них с помощью группы Непеин пришел за два года к сильным, звучным и волнующим стихам» [13, с. 12]. Судя по этой статье Б. Иванова (характеру его суждений – о некоторых упомяну далее), не думаю, что группа «поднимала» Непейна, – скорее, наоборот.

Умел создавать Непеин и запоминающиеся образы, например, звезд – созревшей «звездной морошки» «на глади синего ковра»:

В лесу

*Уводит узкая тропа
В седую глушь лохматых сосен.
За поворотом, на откосе,
Последний след жилища пропал.*

*На глади синего ковра
Созрела звездная морошка,
И кажется, еще немножко
Рассыплется – и не собрать...*

*Иду. Постукивает дятел.
Хрустит валежник под ногами,
Да совы, вспугнуты шагами, –
Тревожно за тобой следят.*

*А я задумчиво гляжу
На зачарованные чащи
И вспоминается все чаще
Оставленная в детстве жуть...*

*На сердце радостная грусть:
Мне жаль старинного Кащея,
И жаль, что сказкой не взлелеять
Иван-царевичеву Русь.*

*Иду... Чернеет поворот.
На небе звездная морошка.
А месяц вылужен, как плошка,
Зевает, закрывая рот.*

16.06.1926

[11, с. 28–29]

Непеин стал одним из организаторов и руководителей литературной группы «Борьба», образованной 1 марта 1925 г. в Вологде. Историк Федор Яковлевич Коновалов упоминает о месте этого события – «в помещении объединенного клуба профсоюзов, который располагался на втором этаже Дома союзов (бывшая гостиница “Золотой якорь”» [6, с. 84]. Группа стояла на платформе Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Об истории группы можно узнать непосредственно из статей Б. Непейна. Статья «“Борьба” и “Спайка”» была опубликована 3 апреля 1970 г. в «Вологодском комсомольце». Там же – «У литературных истоков» (2 марта 1975) и «В те далекие годы...» (21 августа 1977). «Первая литературная поросль» – 22 июля 1981 г. в «Красном Севере». Поскольку, с одной стороны, статьи доступны, с другой стороны – это отдельная достойная публикации тема, не буду подробно останавливаться на характеристике деятельности группы, отмечу только, что «члены группы устраивали еженедельные чтения и обсуждения своих произведений в читальном зале губернской библиотеки» (Там же), причем на них приходило много вологжан. Кроме того, они готовили воскресные литературные страницы «Красного Севера», оказывали помощь селькорам, выступали на митингах, собраниях.

Б. Иванов в статье «Вологодский поэт Борис Непеин» подводил промежуточный итог: «За два года группа прослушала больше сотни непейнских стихов. Газета “Красный Север” за период с 1924 года напечатала около 70 его стихотворений. На страницах

³ Вариант: «И работу всю возьмешь снова. / Все, что делается, знать будешь, / Можешь...» [13, с. 5]

Для племянницы Непеина Ольги Ивановны Преображенской (она вспоминала о дяде в феврале 1997 г.) название этого стихотворения определяло суть Бориса Непеина как человека: «Он никогда не сидел без дела, работал не покладая рук, всегда был занят» [11, с. 67].

«Неутомимым тружеником» считал его и поэт Виктор Кортаев (Там же, с. 63).

«Первый “живой поэт” в моей жизни» – так озаглавил свои воспоминания от 26 сентября 1984 г. доктор филологических наук, профессор Константин Николаевич Ломунов. Их первые встречи происходили, когда Ломунов учился в педагогическом техникуме (в «доме Батюшкова»):

«Борис Сергеевич не знал и – увы, никогда не узнает, – что значил он для нас 14–15-летних юнцов, напечатывавших к тому времени в “Красном Севере” по три-четыре селькоровских заметки и уже мнивших себя причастными к литературе.

Прошло более полувека с той поры, а мне он, как живой, видится на невысокой и тесной сцене окраинного клуба, и словно бы снова я слышу, как энергично, размеренно, звонко читает он свои стихи... Позднее мне посчастливилось увидеть и услышать многих наших поэтов. Не все из них запомнились, а вот первого “живого поэта” помню до сих пор: был он строен, худощав, подтянут, быстр в движениях. Любил бывать в студенческих, красноармейских, рабочих аудиториях. Молодежь его хорошо принимала. Только теперь я до конца понимаю, как ему это было нужно. А нам, молодежи 20–30-х годов, был нужен он – даровитый “живой поэт”» [12, с. 91–92].

Аналогичные ощущения остались и у Е.Н. Студенецкой, ставшей ученым-этнографом. В 17 лет она пришла в «Борьбу» – в самом начале ее создания. В 1984 г. вспоминала: «Борис Сергеевич Непеин был душой “Борьбы”, ее лучшим и любимым поэтом и организатором. Когда он появлялся перед слушателями невысокий, но стройный, со звонким голосом, и читал свои стихи, наполненные радостью жизни, работы, жаждой счастья, его неизменно провожали аплодисментами...» [11, с. 80]. (И.П. Непеин: «В 1926 году она (Евгения Студенецкая. – Л. Е.) уехала в Ленинград. Это спасло ее. Она единственная из всей группы «Борьба» не была репрессирована. Они с Борисом переписывались, иногда встречались – она приезжала» [13, с. 8].)

Размышляя о причинах успеха Бориса Непеина, хочется воздать должное и силе его рода. Первым, кто начал составлять родословную семьи, был историк Петр Андреевич Колесников, заслуженный деятель науки России. Он обратил внимание на архивные материалы об основателе династии – Осипе (Иосифе) Григорьевиче Непее, ставшем первым русским послом в Англии. Весной 1556 г. Осип Непея по поручению Ивана Грозного отплыл с экспедицией Ричарда Ченслера в Англию для установления торговых отношений. Флотилия была рассеяна бурей – из четырех кораблей уцелел лишь один – не тот, на котором находились Ченслер и Непея (первый погиб, второй спасся чудом). Торжественно встреченный Непея был представлен королеве Марии Тюдор. Переговоры вели епископ Илийский и главный королевский секретарь, и они «с величайшею похвалою отзывались о

степенности, рассудительности и сановитости посланника» [18].

Колесников обратил внимание и на этимологию фамилии: Непея – древнерусское неканоническое имя или прозвище, дававшееся человеку трезвого образа жизни [5, с. 179]. Поправку внес А. Кузнецов, отталкиваясь от аналогичной версии, выраженной В.И. Беловым, и апеллируя к словарям русского языка: «Непея – человек, над которым не совершена церковная служба, а по-другому – некрещеный человек. В православной Руси редко, но такие случаи бывали, например, по причине продолжительной болезни ребенка. В старину не было еще таких понятий, как пьющий или непьющий человек – и то, и другое считалось нормой, ведь непьющие люди еще не представляли собой редкость, а вот некрещеных было действительно мало» [13, с. 56].

Осип Непея был прапрадедом Матвея Непеина, вологодского протодьякона. Как отмечал Ф.Я. Коновалов, за критику нововведений при Петре I он был сослан на вечное покаяние на Соловки. «Заклучен он был в самую тяжелую тюрьму Соловецкого монастыря, так называемую Салтыковку» [6, с. 79]. С тех пор род славился священнослужителями. Прадед Бориса Афанасий Гаврилович Непеин (1793–1869) служил настоятелем Троице-Герасимовской церкви. Дед Арсений Афанасьевич Непеин (1828–1901) – дьяконом в Лазаревской кладбищенской церкви.

Отец Сергей Арсеньевич Непеин (1870–1911) окончил Вологодскую духовную семинарию в 1892 г. (Краеведением увлекся еще там.) В 1892–1897 служил псаломщиком, дьяконом, затем священником в Вологодской Покровской Казанской церкви. В 1898 стал священником Цареконстантиновской церкви. Параллельно (1899–1907) заведовал и учил в Свято-Стефановской церковноприходской школе. Принимал участие в создании Вологодского епархиального древнехранилища, где затем служил помощником заведующего и экскурсоводом. Активный член созданной при древнехранилище Постоянной церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей. Учредитель и член Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК).

Сергей Непеин

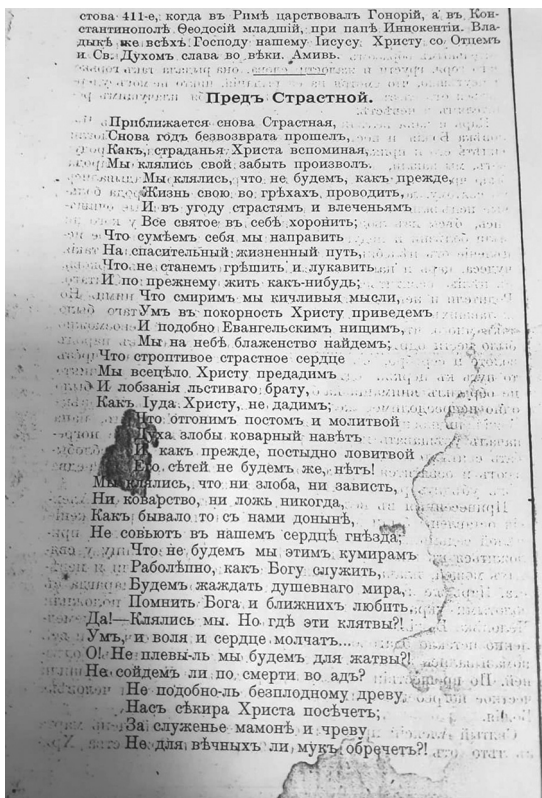
Отец Сергей первым открыл краеведческий музей при церковноприходской школе. Первым (в 1904 г.) организовал около Казанской церкви «уличную народную библиотеку» (за свой счет): ящик, две катушки с листами брошюр, крутишь ручку – меняешь листки – читаешь. Такие «библиотеки» были им установлены и при других церквях. Фотографировал. Увлекался переплетным делом, установкой электрических звонков и всем, связанным с электричеством. Автор более 50 печатных трудов, в том числе книги «Вологда прежде и теперь», 1906 [14], о которой упоминали и «Большая Советская Энциклопедия», и «Советская историческая энциклопедия».

Мне встречалась информация, что С. Непеин писал стихи и повести, но обнаружить в Областной библиотеке удалось только одно стихотворение – «Пред Страстной», опубликованное в журнале «Странник» в 1901 г.:

*Приближается снова Страстная,
Снова год без возврата прошел,
Как, страданья Христа вспоминая,
Мы клялись свой забыть произвол.*

*Мы клялись, что не будем, как прежде,
Жизнь свою во грехах проводить,
И в угоду страстям и влеченьям
Все святое в себе хоронить...*

[15, с. 84]

Длинное стихотворение завершается утешением:

*Не смущайтесь же, падишие братья, –
Пастырь ищет заблудших овец.
Как разбойник прощен у распятыя,
Так простит нас Небесный Отец.*

[15, с. 87]

У Сергея Арсеньевича и его жены Анны Александровны было девять детей (два мальчика умерли в младенчестве).

Судя по стихотворению, посвященному матери, Борис Непеин веру утратил.

БОЛЬНОЙ

Посвящается матери

*В чертах лица задумчивая нить,
И вдоль бровей глубокая морщина,
Но пусть болезнь и изменила сына,
А сердце матери не изменить...*

*И ты сидишь, склонившись надо мной,
Заботливая, ласковая, мамочка⁵,
И шепчешь: «Сын мой, злая лихоманка,
Знать, повстречалась где-нибудь с тобой!»*

*Ты изголовь хочешь окрестить,
Но отвожу я трепетную руку.
Наивная! Твою я знаю муку.
Но ведь крестом болезнь не облегчить.*

*Идут года – ушедшее сменить,
И мы идем безропотно за ними.
Но нас всех годы сделали другими,
А матерей сердца не изменить...*

1927

[11, с. 43]

Был ли это достаточно распространенный для эпохи случай отказа священнического сына от веры отцов и матерей? Много позднее (в день своего 70-летия) Непеин поведал о том дорогом, что пронес через всю жизнь, – о «бабушкиных крестинах». (Любопытно, что в стихотворении «Бог» – с большой буквы, а вот «святая водичка» закавычена, хотя не исключено, что так написал И.П. Непеин: «При жизни Бориса Сергеевича я переписал 46 стихов с подлинников. Они вошли в посмертное издание и в нынешнее тоже» [13, с. 3]).

Бабушкины крестины

(Подлинный эпизод моей жизни, рассказанный мне мамой в раннем детстве, который привожу сейчас, в день исполнившегося своего 70-летия).

*У всех сегодня день обычный,
А для меня – иная стая.
Мне, право, как-то непривычно
Восьмой десяток... начинать!*

*Весной сирени серебрятся,
С них каждый год не сводим глаз.
Но «70», как «18», –
Бывает в жизни только раз!*

*Я жил, не зная, что собрался
В столь продолжительный поход.*

⁵ Мамка [12, с. 40].

*Как в новый класс, перебирался
Из года в год, из года в год...*

*Немало радостей бывало,
Но больше дней ненастных знал.
Однажды, как-то, годовалым
Чуть Богу душу не отдал.*

*Диагноз: воспаленье легких.
Уж отступились доктора –
Не выжить такому крохе,
Прощаться с ним пришла пора.*

*Вот тут и выручила бабка.
- Ты, мать, молчи и не перечь!
Меня укутывала в тряпки,
На противне сажала в печь.*

*И, чтоб вы думали, ведь выжил!
Ножонками зашевелил,
Полез из печки – ближе, ближе
И, наконец, заголосил.*

*И бабка, этот рев услышав,
Рванулась к печке, чуть дыша.
На всех прикрикнула: – Да тише!
Вернулась к мальчику душа!*

*И мне, пониже спинки шлепнув,
Шепнула: – Значит, будешь жить!..
А я от плача чуть не лопнул,
Не отставая голосить.*

*Меня в лоханку положила,
«Святой водицы» налила,
Побрызгала, перекрестила
И маме в руки отдала.*

*С тех пор всю жизнь я убеждался,
Что с бабушкиных тех крестин,
Не только вовсе жив остался,
Но даже дожил до седин!*

*Да, жизнь слагается непросто,
И не пройдешь ее спроста...
Мне нагадали... девяносто.
Но так хотелось бы до ста!*

*19.10.1974
[11, с. 58–60]*

Вернемся к биографии Непейна. Окончив командирскую школу культурработников армии, он заведовал библиотекой Дома Красной Армии в Вологде (позднее Дом офицеров). Одновременно был корреспондентом дивизионной газеты «На страже социализма». 22 декабря 1937 г. в числе офицеров 10-й дивизии НКВД имени Северного края Непейн арестован. В вину вменялось непролетарское происхождение и знакомство с расстрелянным маршалом Михаилом Николаевичем Тухачевским (4 (16) февраля 1893 – 12 июня 1937).

И.П. Непейн передал рассказ Бориса: «...на допросах его не били, но издевались изрядно. Например,

заставляли есть селедку, но не давали пить воды, сажали в ванну с ледяной водой, нагружали его 100-килограммовыми мешками <...> В общем, добивались признания. Но Борис Сергеевич выдержал и ничего подписывать не стал. От лагерей его стойкость не спасла, но жизнь, я считаю, сберегла. Подписал бы признание – расстреляли бы» [13, с. 6].

Зосима Гаврилович Липатников указал обстоятельства посвященного ему стихотворения: «В 1938 г. Б.С. Непейн по ложному доносу был арестован, приговорен к расстрелу. Из камеры смертников переведен в другую. Приговор отменили. Тогда и написал мне это стихотворение» [11, с. 50]:

*Мне уже порядочно за тридцать
И скажу об этом, не тая:
Сединою скоро постучится
Старость нелестная моя:*

*На душе печаль – чернее ночи,
Только сердце просит: жить и жить.
Друг Зосима, я тоскую очень –
И тоски мне некому открыть.*

*Мы с тобою встретились случайно,
Разлучить нас может каждый миг,
Но навек останется, как тайна,
Братской дружбы стянутая нить.*

*В эти дни мы чувством огрубели,
Стали как-то суше и черствей.
Не увидать больше, неужели,
Нежность жен и ласку матерей?*

*Жили мы с тобой бок о бок,
С верхних нар чуть свесившись впотьмах,
И порой рассказывали оба
О еще не сделанных делах.*

*Каждый был одним желаньем болен:
Снова стать бойцом в родном строю,
Обрести потерянную волю,
Родину, работу и семью.*

*Может быть, твоим мечтам и сбыться,
Ты увидишь радостные дни.
Не давай отчаянью гнездиться,
Бодрость и энергию храни.*

*Ну а мне иную метят участь:
Видно, сила пущена на слом.
Оттого сейчас гнетет и мучит
Мысль одна: о будущем моем.*

*Знаю, будет жизнь невыносима,
Но и обессиленный борьбой,
Умирая, вспомню я, Зосима,
Время, проведенное с тобой.*

[11, с. 50–51].

Краткую сводку печальных событий приведу в формулировке Ф.Я. Коновалова: «19 ноября 1938 года 149-й военный трибунал Ленинградского военного

округа осудил Б. Непеина по статье 58 и приговорил к 8 годам заключения. Об этом периоде жизни Непеина мы почти ничего не знаем. Известно лишь, что последние годы он находился в ОЛП № 5 Краслага МВД. 14 ноября он был освобожден, но еще два года отбывал ссылку, работая в том же лагере инспектором по технике безопасности» [6, с. 87].

Есть записи репрессированного М.И. Коренева (был арестован за дискредитацию Советской власти в сентябре 1937 г. по месту работы на ст. Ружено Приморского края, где работал помощником машиниста). Он отмечал, что когда прибыл в лагпункт, там уже отбывал срок «журналист с Вологды Непеин Борис»: «Условия тяжелые... Морозы до 50° С. Днем ставили себе палатки. Спим у костра под открытым небом. Постели никакой не давали. Многие начинали болеть, умирали... Врачей для нас не было. Кормили баландой. Заедали вши. Оскорбления, тычки от охраны... Работали на лесоповале и вывозке леса... Кругом непроходимые болота и тайга. Подкармливались что бог пошлет: черемша, лесная живность... Были случаи и людоедства. ...Мошка слепила глаза, комары заедали до крови. Было много несчастных случаев, травм... Побег из лагеря не удался. Да и куда бежать? Везде ждала верная смерть...» [13, с. 7].

Педагог, поэт, краевед-исследователь Валентина Станиславовна Старкова⁶ записала рассказ самого Б. Непеина (после возвращения из гостей в честь его 75-летия, следовательно, это 1979 г.). В том, что Непеин разговорился, свою роль сыграло присутствие Виктора Петровича и Марии Семеновны Астафьевых, их желание вернуться в Овсянку, Красноярск (в 1980 г. они уедут). Непеин и заговорил о Краслаге (чего никогда не делал за 10 лет дружбы, связывавших его со Старковой). Воспроизведу этот рассказ полностью, ибо напечатан он в местной газете «Вологодские новости» (18–24 января 2006) и в книге И.П. Непеина не включен:

«Вы собираетесь вернуться в Сибирь, а мне эти места хорошо знакомы, только все это я знаю с обратной стороны медали: там в Краслаге я отбывал срок во время войны. Лучшие годы ушли даром, и ведь без вины это тяжким грузом лежало на плечах, пригибало к земле. Порою думаю: не всем досталось счастье выжить, пережить, одолеть. А мне повезло – выжил! И спасли меня книги, моя любовь к литературе.

Забрали меня в 1937 году прямо с поезда, а вез я своему начальству книги на английском языке. Ездил с оказией в Ленинград и по его просьбе купил в магазине эти книги. Может, это был предлог, так как до этого мне приходилось встречаться с Михаилом Николаевичем Тухачевским, он несколько раз бывал в

Вологде в нашей 10-й стрелковой дивизии, где я служил. Я брал у него интервью для “Красного Севера”, встречались мы с ним и в Ленинграде.

В общем, 58 статья – 8 лет! Краслаг. Лесоповал. Здоровьем крепким я не отличался. Пайки не хватало, но начальник Краслага знал, что я был журналистом, поэтом, много читал. И вот стал он меня вечерами приглашать к себе в кабинет. Чаю нальет, то сухарик даст, то бутерброд какой-либо положит. И должен был я ему за это книги пересказывать, что читал (сам он читать не любил, а слушателем был хорошим). Я пересказал ему всю русскую классику, из зарубежной то, что у нас печатали, и сам что-то придумывал на ходу – для размышлений время было.

В 1946 году меня освободили без права выезда. Два года вольнонаемным работал по технике безопасности. А в Вологде сестра Елена Сергеевна много порогов обила, много прошений и писем писала. И в 1948 год сюда, в родной дом, я и вернулся. Но такое возвращение, когда тебя никуда на работу не берут, не легче лагеря. Переживания были большие: вроде и согласие дадут, и люди нужны, приходишь, а тебе в глаза не смотрят и отказывают. Долго я не мог ничем любимым заниматься, уж только после “оттепели” на душе потеплело, с друзьями стал встречаться, разыскивать их, переписываться» [16].

Как отмечал Ф.Я. Коновалов, «почти четыре года он проработал старшим диспетчером межобластной конторы “Главутильсырье”. Уволенный по сокращению штатов в 1951 году, он был принят на должность инспектора книжной торговли Вологодского книготорга, где и проработал до ухода на пенсию в 1971 году» [6, с. 87].

В 1956 г. был реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

И.П. Непеин рассказал Дмитрию Ермакову: «Когда его реабилитировали – вернули звание лейтенанта, вернули медаль “20 лет РККА”, зарплату политрука за два месяца дали и сказали: “Извините, ошиблись...” А с другой стороны – не был бы осужден, попал бы на фронт, погиб бы, наверное, он же был политруком и человеком беззаветно преданным советской власти» [3].

Помимо работы инструктором книжной торговли, Непеин занимался краеведением. В ноябре 1968 г. организовал клуб книголюбов «Субботние встречи». На заседаниях клуба выступали писатели, поэты, краеведы, часто – сам Непеин. В газетах выходили его рецензии на книги, сообщения о книжных новинках, аннотации, воспоминания о литературной жизни Вологды. Старкова отмечала: «Даже в небольшой рецензии он мог сказать что-то свое, вскрыть такую глубину прочитанного, о которой ты и не подозревал» [12, с. 89].

В 1960–70-е Непеин публиковался в центральной печати («Литературная Россия», «В мире книг», «Книжное обозрение», «Альманах библиофила»). С 1968 г. был внештатным корреспондентом «Книжного обозрения».

Старкова писала: «О прошлом Борис Сергеевич рассказывал много и интересно, особенно о том, что было связано с молодостью. Он мог тогда из Вологды сорваться в Москву на вечер поэзии, познакомиться

⁶ В.С. Старкова (24 февраля 1935 – 10 октября 2010) родилась в Магадане. Окончила Орловское педучилище, Пермский государственный педагогический институт. В 1970 г. приехала с мужем в Вологду. Работала в школе № 4 учителем русского языка и литературы. С 1972 г. – преподаватель литературы и эстетики профтехучилища № 30 (ныне Вологодский колледж связи и информационных технологий). В 1975 г. на базе училища создала литературно-краеведческий клуб «Яшинская рябинка» (в котором часто бывал Б.С. Непеин и стал его почетным членом), музей, посвященный творчеству А. Яшина. В последние годы изучала творчество В.Т. Шаламова.

там с Матэ Залкой. Он видел Есенина, Маяковского, Фадеева. Он был не только поэтом, но вообще человеком высокой культуры, интеллигентом в высоком понимании этого слова. Его интересовало все, но все-таки главным в его жизни были книги...» [12, с. 90]. «Он дружил со многими писателями-современниками. Он мог послать письмо на Северный полюс, чтобы показать друзьям штемпель, погасивший марку на конверте. Он по-прежнему писал стихи, никому их не показывая» (Там же, с. 91).

Воспроизведу стихотворение о Вологде с про странной датировкой 1948–1970:

Родное

*Наяву... или только лишь мнится? –
Стать иная, и облик иной...
Вишь и вдаль раздвигает границы,
Разрастается город родной.*

*Но среди площадей и проспектов,
Шумных улиц и звонких садов,
Как из сказки таинственной некто
Возникает сквозь дымку годов.*

*Отчий дом на тропе чуть заметной,
Где кривым закоулком пролез
С детских лет дорогой и заветный
Несказанный такой уголок.*

*Припадаю к нему издалека,
Тяжких лет отодвинут заслон,
Возвращаюсь сюда без упрека,
Отдаю свой сыновний поклон.*

*Целый век тут без малого прожит,
Сколько зим, сколько весен златых.
Озираюсь: «Как прежде все то же,
Изменений почти никаких».*

*Все домишки, похожие очень,
И к тому ж низкорослые все,
Не смежают оконные очи
В расписной деревянной красе.*

*Перед каждым жилищем крылечко,
И как в песне – РОДНОЙ ПАЛИСАД.⁷
А на кухне и русская печка –
Зимний клуб и утеха ребят.*

*Постою здесь, пусть сердце оттает,
Зажурчит животворный родник...
И невольно строка золотая,
Вдохновенная сложится в миг.*

*Здесь когда-то по древней земле
Грозный царь не спеша проходил,
Выбирал он оплот для столицы,
Грозным посохом тропы торил.*

⁷ «И как в песне – “родной палисад”» [12, с. 41]. В песне поэта Михаила Матусовского и композитора Бориса Мокроусова 1956 г. – «резной палисад». Популярной эта песня стала в 1976 г. после исполнения «Песняров».

*Но не меркнут старинный храмы.
На лужайках кусты... Тишина.
И туристов встречаем с утра мы,
И художников иногда.*

*А один архитектор резонно
Рассказал как-то группе гостей,
Что тут будет охранный зона –
Как свидетельство канувших дней.*

[11, с. 44–45]

Поэт, журналист Юрий Леднев в 1974 г. отмечал: «Знакомых у Непеина в родном городе было так много, что к ним не относятся, пожалуй, лишь дети грудного возраста <...> Взрослые знают Непеина все поголовно. Почему? Да хотя бы потому, что нет сейчас людей, не читающих газет. А любой подписчик союзного “Книжного обозрения”, областных газет “Красный Север”, “Вологодский комсомолец”, “Маяк” обязательно встречал и еще не раз встретит на их страницах небольшие по объему, но с завидным постоянством сообщения Бориса Сергеевича о новых книгах. Библиографические заметки Непеина нередко звучат в эфире» [11, с. 76].

Краевед Алексей Павлов 29 марта 1984 г. писал: «Его знали, ценили, с его именем считались многие видные писатели и поэты земли вологодской.

Жил этот подвижник в центре Вологды, на улице Засодимского, в старинном деревянном доме. В библиотеке покойного множество книг с автографами тех литераторов, которые с ним дружили» (Там же, с. 70–71).

Дом Непеина. Улица Засодимского, 16

Говоря о его деятельной любви к литературе, неумолимом внимании к хорошим книгам, Павлов поделился рассказом о двух встречах с ним зимой 1960 г. Обе произошли в один день. Первая – в книжном магазине. «Просматривал я новинки, читал предисловия. Подошел незнакомец и спросил: “Чем интересуетесь, молодой человек?” Я ответил. Он порекомендовал купить книги, о которых я имел самое приблизительное представление» (Там же, с. 72). Вторая – в читальном зале районной библиотеки, где выступали Непеин и Иван Полуянов: «Полуянов говорил о

своим творчестве. Непеин – о творчестве вологодских писателей. Запомнилась фраза об Ольге Фокиной, о которой тогда я ничего не слышал: “Голосок Ольги Фокиной скоро зазвенит – запереливается по всей Руси”. Было это сказано в то время, когда Фокину кое-кто не признавал. В 1965 году выходит ее книжка. “Борису Сергеевичу – моему давнему пропагандисту и популяризатору с самыми нежными чувствами и пожеланиями” [11, с. 72]. Непеин, согласно всем воспоминаниям, пропагандистом и популяризатором был отменным.

Привел Павлов и надпись на книге «Пастух и пастушка» Астафьева: «Борису Сергеевичу – неутомимому и симпатичнейшему человеку» (Там же, с. 73).

О его честности, порядочности, обязательности («На него во всем можно было положиться»), неимоверной отзывчивости свидетельствовал петербургский краевед Н.Н. Парфенов (Там же, с. 75).

Непеин причислял себя к «членам союза читателей», и в этих словах, как отмечал Юрий Леднев, была гордость: «Когда в Вологде, как и в других городах Советского Союза, было создано общество книголюбов, больше всех, пожалуй, радовался этому событию Борис Сергеевич Непеин, он оделся по-праздничному и, встречая знакомых, сердечно жал руку, говоря: “Поздравляю Вас!”» (Там же, с. 77).

Стихи писал до конца жизни.

Себе – в день рождения

*Вперед и вперед... То ли ветер в лицо –
То ли дождик осенний брызнет...
Вот и еще годовое кольцо
На дереве жизни.*

*Сколько же это минуло лет?
Не все ли равно! – Не вечен!
Думай о том, останется ль след
В памяти человечей.*

19.10.1981
[11, с. 60]

В книге, составленной И.П. Непеиным, последнее стихотворение⁸ возвращает к началу – детству:

Зимнее

*Уж прибыл день. Побольше света,
Но все ж далек весенний гром.
Живем надеждами согреты
Еще студеным январем.*

*Иду к реке. Мороз под сорок.
Невольню ускоряю шаг,
А ребятя – с прибрежных горок
На санках, дрожжах, просто так...*

⁸ В [11] это не одно – два разных стихотворения: «Бывало, выйдешь ранью гулкой...» (Там же, с. 56) и «Зимнее» («Уж прибыл день...») (Там же, с. 57). Оба без датировки.

*Пора свободы неумной,
Забавы шумной каждый час,
В минуты радости огромной –
У них каникулы сейчас.*

*И я гляжу, и вспоминаю
О том, к чему бросаю взгляд,
Все то, что было, то что знаю,
Чему лет семьдесят назад.*

*Мы ждали тот мороз полярный
Не только в день каникулярный,
Но и в любой обычный день.
Когда учиться было лень.*

*Бывало, выйдешь ранью гулкой
В пальтишке драпом на плече
И смотришь в даль по переулку:
Что на пожарной каланче?*

*Там шар вывешивался красный,
Когда мороз за двадцать пять,
И понимали мы прекрасно:
Идти не в школу, а гулять.*

*Три брата были мы, погодки,
На всех троих один конек,
И преимуществом погодки
Один лишь пользоваться мог.*

*К тому ж еще и та причина:
Что пара валенок одна!
Но не брала мальчика кручина,
Хоть жизнь у нас была бедна.*

*Конек делили полюбовно,
Я часто братьям уступал.
А сам всегда беспрекословно
На печку с книгой залезал...*

Январь 1982 г.
[12, с. 53–54]

В заключение воспроизведу с сокращениями рассказ Игоря Олеговича Шайтанова о его визите к Непеину (имя которого он уже хорошо знал, а его самого встречал иногда в газете «Красный Север»):

«Летом, кажется, 1976 года я пошел знакомиться к Борису Сергеевичу Непеину. Семья священников и краеведов, потомки Непеи. <...>

Если вдоль реки пройти пару сотен метров от Софийского собора и повернуть налево, там будет церковь Варлаама Хутынского, причудливая своим итальянско-барочным акцентом. Самый тихий и самый вологодский уголок города.

Маленький деревянный дом. Палисад. Огородик. <...>

Прохожу в дом. Скромно, чисто. Невысокий сухощавый человек встречает меня. Он стар и болен, почти не выходит. Показывает поэтические сборники и альманахи. То, что осталось в Вологде от молодого кипения двадцатых годов.

Тогда здесь бывал рапповский критик А. Селивановский. Все группы искали и выдвигали “молодняк”. Селивановский нашел Непеина. Пригласил на совещание РАППа. В Москве приехавшим поставили койки рядами в номерах “Националя”. Непеин познакомился с соседом. Тот достал из-под матраса только что вышедшую в Смоленске книжечку своих стихов – “Провода в соломе”. Михаил Исаковский.

Я больше не встречался с Непеиным» [19, с. 9–10].

Похоронен Борис Сергеевич Непеин на Пошехонском кладбище.

Названия воспоминаний родных и близких красноречивы: «неутомимый труженик», «литературный следопыт», «член “Союза читателей”», «книжник», «поэт, книголюб, журналист».

Проницательной – еще при жизни Непеина – была характеристика Ольги Александровны Фокиной: «Ценность стихотворений Бориса Сергеевича Непеина, подлинного ветерана литературы, и по сей день беззаветного ее служителя, – не в замысловатых образах и шикарных рифмах, но атрибуты внешнего, так утомительно бывшие в моде у поэтов последнего времени, тускнеют перед безыскусным искренним словом очевидца великого времени...» [12, с. 91].

Сделав этот обзор (познакомившись со всеми доступными материалами – опубликованными и выложенными в интернет), первоочередной задачей теперь считаю работу с архивами.

Литература

1. Вороно, М. Дом Шаламова / М. Вороно // Свеча. – 1994. – № 1. – С. 3.
2. Ермаков, Д. А. Из рода Непеи / Д. А. Ермаков. – Вологда : [б. и.], 2014. – 18 с. – URL: <https://rospisatel.ru/ermakov-nepain.htm> (дата обращения: 16.02.2021). – Текст : электронный.
3. Есипов, В. В. Варлам Шаламов и вологодские писатели / Есипов В. В., Егорова Л. В. // Вестник ВоГУ. – 2021. – № 2 (21). – Ч. 1. – С. 33–41.
4. Есипов, В. В. Варлам Шаламов и вологодские писатели / Есипов В. В., Егорова Л. В. // Вестник ВоГУ. – 2021. – № 3 (22). – Ч. 2. – С. 53–60.
5. Колесников, П. А. Путешествия в родословия / П. А. Колесников. – Вологда : Русь, 1997. – 213 с.
6. Коновалов, Ф. Я. Известная фамилия. К истории рода Непеиных / Ф. Я. Коновалов // Непеин, Б. С. Стихотворения 1924–1982 годов / Б. С. Непеин ; составитель И. П. Непеин. – Вологда : [б. и.], 2011. – С. 78–88.
7. Непеин, Б. С. Автобус : (шутка) : [стихи] / Борис Непеин // Красный Север. – Вологда, 1927. – 1 февраля (№ 25). – С. 5.

8. Непеин, Б. С. Брызги : стихи / Борис Непеин. – Вологда : Изд-во лит. группы «Борьба» (ВАПП), 1927. – 32 с.

9. Непеин, Б. С. Под красной звездой : стихи / Борис Непеин. – Вологда : Вологодск. АПП «Борьба» : Политотдел X стрелковой дивизии, 1929 (тип. Полиграфтреста «Северный печатник»). – 40 с.

10. Непеин, Б. С. Северный ветер : стихи / Борис Непеин. – Архангельск : Государственное издательство. Северное краевое отделение, 1930 (типография издательства «Правда Севера» им. т. Склепина). – 96 с.

11. Непеин, Б. С. Стихотворения 1924–1982 годов. Воспоминания / Б. С. Непеин ; составитель О. И. Преображенская и др. – Вологда : [б. и.], 1997. – 88 с.

12. Непеин, Б. С. Стихотворения 1924–1982 годов / Б. С. Непеин ; составитель И. П. Непеин. – Вологда : [б. и.], 2011. – 99 с.

13. Непеин, Б. С. Последний из рода Непеиных : статьи, очерки, стихи / Б. С. Непеин ; составитель: И. П. Непеин. – Вологда : Новый Диоген, 2012. – 55 с.

14. Непеин, С. А. Вологда прежде и теперь / С. А. Непеин. – Вологда : тип. Знаменского и Цветова, 1906. – 238 с.

15. Непеин, С. А. Пред Страстной / Свящ. С. Непеиник. – Б.м. ; Б.и., Б.г. – С. 84–87.

16. Старкова, В. С. Борис Непеин и Варлам Шаламов / В. С. Старкова // Вологодские новости. – 18 – 24 января 2006. – С. 14.

17. Таюшев, А. С. Однокашники: Шаламов и Савашкевич / А. С. Таюшев // Вестник ВоГУ. – 2022. – № 1 (24). – С. 48–53.

18. Толстой, Ю. В. Первые сорок лет сношений между России и Англией, 1553–1593 / Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым / Ю. В. Толстой. – Санкт-Петербург : тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. – 50 с. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVI/1540-1560/Russ_Engl40_let/vved.html?id=4825 (дата обращения: 12.01.2022). – Текст : электронный.

19. Шайтанов, И. О. Там, где звучат голоса истории / И. О. Шайтанов // Вологодские пенаты, или Пятая Вологда / авторы-составители : Н. С. Серова, И. О. Шайтанов ; под редакцией И. О. Шайтанова. – Вологда : Книжное наследие, Череповец : Порт-Апрель, 2008. – С. 8–15.

20. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений. В 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 7. – 521 с.

21. Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Т. Шаламов ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта).

22. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда : повесть, рассказы, стихи / Варлам Шаламов ; составитель, ответственный редактор, автор вступительной статьи и комментарии В. В. Есипов. – Вологда : Древности Севера, 2017. – 271 с.

L.V. Egorova

BORIS NEPEIN

The article is devoted to Boris Nepein, whose life was connected with Vologda, his biography, his poems. His leadership in the literary group «Struggle» («Борьба»), the connection between Boris Nepein and Varlam Shalamov are also under consideration. Nepein fulfilled his duty to a childhood friend – passed his knowledge about Shalamov to the next generation, helped to the revival of the house as a museum, and the appearance of the toponym «Shalamovsky House», which became highly popular.

Boris Nepein, Nepein’s poems, Vologda, Shalamov, the group «Struggle» («Борьба»).